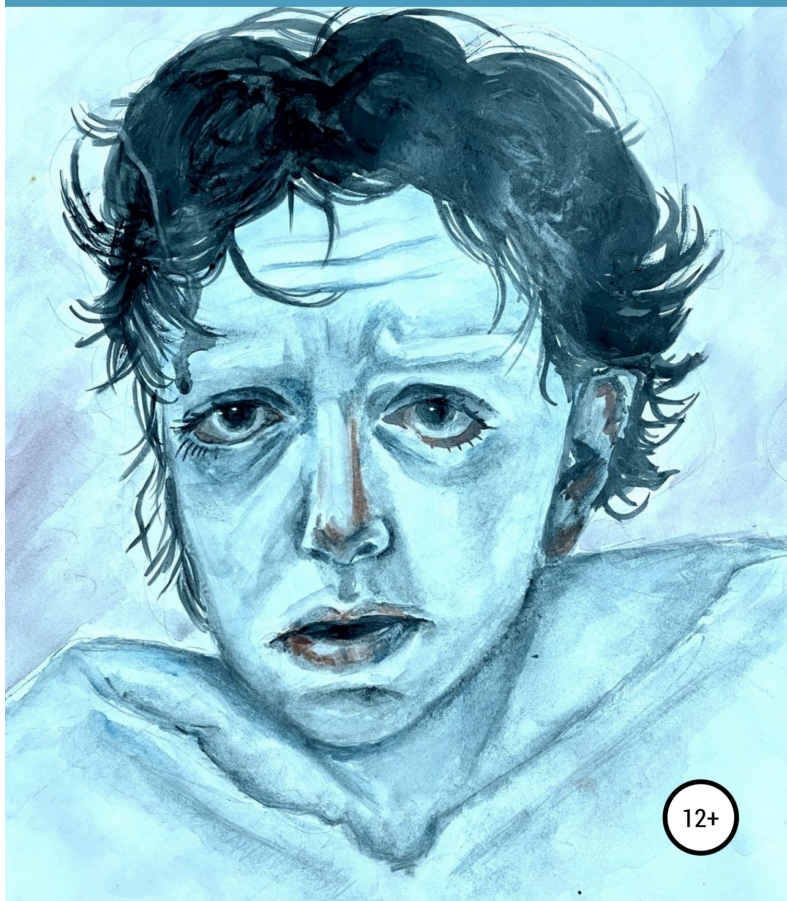

Анна Бондаренко

*Властитель Подземного Волшебного Царства
Святогор*

12+

Анна Алексеевна Бондаренко Властитель Подземного Волшебного Царства Святогор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68341789

SelfPub; 2022

Аннотация

Но станете и вы на эту гнущь похожи, На груди страшную гнилья, – Вы – солнце глаз моих, звезда полночной дрожи, Вы – ангел мой и страсть моя! Да, вот такой вам быть, богиня и царица, Соборование приняв, – Когда подземная вас позовёт темница Тлеть меж костей под сенью трав. Скажите же червям, что вас сожрут, целуя, Мою красу, – в гною, в крови, – Что я сберёг и вид, и сущность неземную Моей распавшейся любви! (фрагмент стихотворения Шарля Бодлера)

Анна Бондаренко

Властитель Подземного Волшебного Царства Святогор

Святогор – любовь моя

Святогора не любили.

Его фантазии и выдумки казались интересными лишь поначалу.

К старшим же классам большую часть школьников Святогор просто раздражал, как этакий местный надоедливый чудак; а некоторые подростки сильно недолюбливали его – оскорбляли, плевали в спину, даже били.

Но Святогор всё время будто бы сам нарывался. Ведь уже с младших классов он громко, активно, в подробностях, к месту и не к месту рассказывал про своё подземное царство, про родителей-властителей волшебного мира, про несметные богатства, наследником которых он вскоре обязательно станет.

В действительности Святогор был сиротой.

Не любили его, в том числе, и преподаватели. Злились, что некуда его деть, такого странного. Правда, очень пыта-

лись, но безуспешно. Многочисленные заявления в местную администрацию, в отдел опеки от всех учителей, от директора... Безрезультатно. Будто бы каждая бесплатная государственная школа так и жаждет отхватить себе очередного чудака-сироту с полуживой бабушкой-опекуншей бонусом.

Он не был агрессивен. Он не был очевидно опасен. И он был всё же проблемным ребёнком и, как следствие, мало кому нужным.

Святогор говорил, что кое-где под землёй – он не мог назвать места, то была его “великая тайна” – его ожидает огромное царство. С невероятной красоты замками, алмазными статуями, позолоченными стенами, фонтанами с драгоценными вкраплениями; и армией так называемых “служащих”, которые покорно ожидают его, своего повелителя уже более десяти лет – с момента смерти его отца.

Мать Святогора на момент смерти была инвалидом второй группы, без ног, слабоумная. Отец же и вовсе не был прописан в свидетельстве о рождении. Ходили даже злые слухи среди школьников – а пошла “информация” от учителей – что мать Святогора была жестоко изнасилована в подворотне, а о беременности узнала слишком поздно, поэтому и на аборт не решилась.

Ужасные, мерзкие, тошнотворные сплетни всегда, с начальной ещё школы окружали чудака-Святогора, словно рой надоедливых мух. Он, как мог, ловко отмахивался от них.

Если верить этим слухам, то именно так и появился на

свет Властитель Подземного Волшебного Царства Святогор – после надругательства в подворотне.

Святогора не любили.

Но мне он всегда нравился.

Взять хотя бы внешность Святогора.

Чудесная, неземная. Разноцветные глаза – один испепеляюще-серый, другой ярко-зелёный; очень, даже неестественно бледная кожа, пухлые алые губы, ведь он их постоянно кусал; дерзко, слегка комично вздёрнутые брови; и чуть выющиеся шёлковые волосы темнее самого чёрного цвета.

Я часто любовалась тем, как нежно и трогательно мягкие локоны спадают на белоснежную кожу его тонкой шеи – на некоторых предметах мне посчастливилось сидеть за ним. Я любила смотреть, как синеватый свет прожектора играет на его инопланетно-прекрасных чертах: вздёрнутый нос, губы и брови...

Всё в нём было такое комичное и одновременно грустное. Вглядываясь, без стеснения и нагло, в лицо Святогора я, как ни старалась, никогда не могла понять, засмеётся ли он сейчас или расплачется. Но он никогда не делал при мне ни того, ни другого.

Часто он, будто забывшись, опустошенно смотрел в одну точку подолгу, и лишь изредка его алые губы чуть приподнимались в едва заметной, милой улыбке.

Наверное, он просто улыбался своим мыслям.

Каждый раз, когда преподаватель задавал написать сочинение, пускай даже косвенно связанное с темой семьи, дома, родственников, Святогор всегда расписывал его листов на двадцать и очень активно вызывался читать его вслух у доски, не принимая возражений.

И каждый раз он читал свой текст артистично, эмоционально, вздыхая, едва не плача.

К старшим классам его уже совсем никто не слушал, даже учитель. Все уже знали “историю Святогора” наизусть. Он, казалось, так всем надоел. Бывало, кто-то сильно раздражался и кидал в Святогора скомканной бумажкой, а иногда и чем-то потяжелее.

Помню, как-то в него прилетела бутылка с кефиром, на что преподаватель не сказал ни слова. А Святогор продолжал стоять весь в кефире и громко читать сочинение, пока все смеялись.

К счастью, мне удалось сфотографировать фрагмент одного из его сочинений:

“Дорогие мои друзья! Я так рад этой возможности рассказать вам! Ведь моё сердце ежеминутно, ежесекундно разрывается от тоски и сильнейшей, невыносимой боли. Это боль беспросветного одиночества, боль ощущения, что я не там, где должен быть. Не в том мире, не с теми людьми. И самое страшное, ведь я не исполняю свой долг! Я был рождён, чтобы служить своим людям, своему народу! Как же они спра-

вятся без меня!? Ведь я последний наследник!?! Мой Отец управлял Царством безупречно. Он бесспорно был лучшим Правителем всех времён. И я просто не могу опорочить Память о Нём. А моя Мать с самого начала была Проводником, Она была вынуждена нести этот тяжкий крест... Ах, что это я. Кажется, сбился с темы своего повествования. Прошу прощения! Я так всегда воодушевлён, взбудоражен, рассказывая о своём предназначении, о своём Царстве. Надеюсь на ваше понимание! Тема сочинения “Дело нашей семьи”, и мне так больно, так больно об этом говорить, но Дело моей семьи сейчас пылает огнём! Мой Отец трагически погиб, матери тоже не стало, а перед смертью она совсем потеряла свой рассудок, и Царство вот уже тринадцать лет находится в хаосе, без своего Правителя! Я не могу попасть туда, пока мне нет восемнадцати! Так задумал мой Отец, он же не знал, что его убьют! Ох, жестокие, глупые, несчастные люди! Они даже не знают, кого погубили! Они ведь не человека убили даже, а Целый Мир! Не стоило ему подниматься из Царства... никогда. И я, если спущусь туда, нет, когда спущусь, я больше никогда, слышите, Н-И-К-О-Г-Д-А не выйду наверх, к вам! Пожалуйста, не надо обид... Там меня правда любят. Там меня по-настоящему ждут. Там я действительно нужен...”

Может показаться удивительным, что после таких сочинений, выступлений, Святогора не отправили в какую-нибудь “специальную” школу. Или на какое-нибудь серьёзное лече-

ние. Но учился он, кстати, хорошо. Даже опережал некоторых одноклассников.

Так что, по итогу, к окончанию школы всем стало проще закрыть глаза на эти его “рассказы”.

Все решили единогласно принимать это как большие фантазии несчастного ребёнка.

Которые ему было просто необходимо рассказывать всем.

Как-то случилось, что Святогор не ходил в школу целых две недели подряд. И его бабушка даже ничего не сообщила учителям – что с ним.

Я думала, что с ума сойду. И хотела убить каждого, кто зло шутил про него: “Святогорик, наверное, шустро спустился в царство вслед за мамкой”.

А когда он вернулся, то был уже даже не бледный, а какой-то серый и очень, очень худой. Яркие глаза со слипшимися густыми ресницами болезненно сияли.

Чёрно-вишнёвые губы.

Мой Принц.

Я тогда совсем обезумела. Хотела любого взаимодействия с ним, изнемогала.

И не могла подойти при всех, заговорить, поддержать.

Поганая трусость.

Просто последовала за ним со школы после уроков.

Долго плелась на небольшой дистанции позади Святого-

ра, он постоянно оборачивался, и мы не говорили друг другу ни слова.

Это длилось час. Час ходьбы.

Когда мы пришли к пункту назначения, было уже совсем темно.

Стало очевидно, что Святогор “привёл” меня не к себе домой. Вокруг были пышные кусты, высоченные деревья – дождливое небо едва пробивалось сквозь их мощные ветви. Густой, плотный мрак. Будто бы старинное кладбище, но могил не видно.

Воздух заряженный. Энергетика была жуткая, но я, помню, радостно пылала изнутри. Святогор. На расстоянии вытянутой руки.

Святогор.

И ледяная грязная статуя гигантского ангела справа от нас.

Мы долго смотрели на этого прекрасного Ангела. Вместе. Тяжело дышали в унисон.

И облака пара из ртов ласково окружали нас, будто бы обнимающая.

Я горела, горела, горела, хотя была холодная осень.

И моросил мелкий дождь.

Губы мои были мокрыми, а ресницы слиплись. Щёки – словно в слезах.

– Мой Отец часто говорил мне, что если будет невыносимо грустно, следует просто поцеловать этого Ангела в левую

кисть, а правую крепко пожать, – грустно улыбнулся Святогор.

– Тебе грустно? – сказала тогда я, будто в трансе, и тут же заткнула себе рот. – Прости, Святогор. Я такая дура.

Он ничего не ответил. Воцарилась тишина. И затем, подняв глаза, я увидела самые драгоценные, изумительные, трогательные черты, я увидела самое красивое лицо во всех существующих мирах.

Глаза Святогора светились. И кожа белела во тьме. Волосы цвета неба самой жаркой ночи прилипли ко лбу. Святогор слегка улыбался, мягко.

Он излучал такую доброту, такое расположение ко мне...

Это мгновение навсегда отпечаталось в моей памяти как самое драгоценное воспоминание.

Но запомнилась и кровь на кафеле школьного туалета. Целлофановый пакет. Весь в слюне Святогора. И как я рву этот пакет. Целая толпа школят в таком тесном пространстве – не продохнуть. А Святогор уже убежал.

Ему связали руки за спиной, надели пакет из под бутербродов на голову, долго склоняли сознаться во лжи, пока он задышался. Он тогда впервые дал отпор и ударил кого-то.

Да так, что нос сломал.

Когда я пришла, была только кровь, только пакет.

Зачем я рвала его? Это выглядело так странно. Совсем не логично.

Это было совершенно бессмысленно.

Тогда Святогор пропал. По-настоящему. И дома не появлялся тоже.

И бабушка его вскоре умерла.

А через пару месяцев я и сама думала, что умру.

Часами валялась в мерзких, грязных, мокрых опавших листьях.

И вопила. И рыдала. И руки кусала.

С кем я тогда только не дралась.

К сожалению, и с теми, кого ненавидеть было не за что.

Но меня злил весь Мир, Мир, который не принял Святогора.

Точка невозврата, пика, кульминации боли настигла меня в прекрасный мартовский вечер, когда уроки закончились совсем поздно.

Я вышла с дополнительных занятий для отстающих и жадно впиалась в ароматный весенний воздух.

По щекам неожиданно заструились горячие слёзы.

Не вытирая их, я направилась куда глаза глядят.

Долго блуждала по неуютными, тоскливым узким улочкам нашего крохотного города. Мои ноги вели меня сами, а глаза большую часть времени были закрыты.

И я пришла туда. В место нашего своеобразного свидания. Первого. И единственного.

В этот раз тут была лишь я и ледяной гигантский Ангел.

Статуя – словно символ другого мира. Эта статуя, как надежда на Иную жизнь.

Но почему-то Ангел такой скорбный.

Решилась прикоснуться. Мрамор был, словно нежная, очень холодная кожа.

И опять моросил дождь. Подставила лицо небесам, широко открыла рот, а затем вновь горько заплакала.

Слегка успокоившись, заметила, что уже сижу на коленях.

И мои губы будто бы сами оказались у руки Скорбного Ангела.

Слегка поцеловала хрупкую кисть скульптуры, а другую – осторожно пожала. Как во сне.

Сосредоточенная на приятном мгновенье – прохладный мрамор охлаждал кожу и будто бы успокаивал – я не сразу заметила вибрацию под коленями.

Но с каждой секундой она стремительно усиливалась и вот, игнорировать её стало невозможно. Тогда я, чудовищно грустная, даже не испугалась землетрясения, а лишь слегка отстранилась от статуи в недоуменье.

И через пару секунд заметила, что я уже значительно ниже статуи.

Что я спускаюсь под землю.

Медленно иду вниз на своеобразной земляной платформе по пугающе узкому тоннелю.

И конца-края этому тоннелю не видно.

Спускалась где-то минут пять, пока не заметила слабый,

золотистый свет в конце прохода.

Наверное, мне стоило испугаться. Но я испытывала лишь трепет, даже возбуждение.

И тогда, словно радуясь моему восторгу, золотистый свет будто бы ускорился мне навстречу, а затем полностью поглотил меня.

Сияние алмазов, золотистых башен, фонтанов с драгоценными вкраплениями на несколько секунд буквально ослепило меня; но вскоре я привыкла к этому невероятному, невиданному великолепию.

Меня слегка испугало то, что было Там вместо неба, испугали и те существа, которых было так много, и которые были так похожи на людей, очевидно не являясь ими.

Дышать было тяжело, сознание с трудом принимало невообразимые бриллиантовые просторы, горизонта которым не было видно.

Тёплое принятие не сразу согрело и успокоило мою несчастную душу.

И вот, ты передо мной – Святогор. В своём Королевском облачении на пылающем волшебными огнями пьедестале.

Властитель Подземного Волшебного Царства – Мой.